

Ю.Н. Смирнов *

**РОЛЬ А.И. ТЕВКЕЛЕВА В ПОДГОТОВКЕ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ****

ходе изучения и публикации новых источников об Оренбургской экспедиции уже высказывался тезис о том, что ее замысел, который в 1730-40-е гг. лег в основу геополитической стратегии Российской Империи в обширном регионе Заволжья, Приуралья, Казахстана и Средней Азии, был разработан приверженцами двух основных религий страны, православия и ислама, И.К. Кириловым и А.И. Тевкелевым¹. Самые многочисленные языковые группы населения страны, славянская и тюркская, в лице этих своих представителей в политической, административной и интеллектуальной элите Российского государства проявили совместное стремление к хозяйственному и торговому продвижению на юго-восток вплоть до Средней Азии и Индии.

Обращают на себя внимание споры, которые ведутся по поводу происхождения и этнической принадлежности А.И. Тевкелева. Тюркское пространство юго-востока России в 18-м столетии включало большое число групп, пограничных или равноудаленных от основных центров формирования тюркоязычных народов нового времени. Эти группы сохранялись в силу пережитков родоплеменной организации или, наоборот, появлялись в связи с перестройкой прежних социальных структур. Вопрос о том, был ли Тевкелев по происхождению чингизидом, ногайцем, башкиром, татаринном (причем, тоже в различных вариантах: темниковским, касимовским, уфимским), конечно, будет уточняться, но вряд ли разрешится окончательно². Не вступая в полемику по нему, следует считать более важным то, что во взглядах этого видного исторического деятеля отразились настроения, общие для значительной части мусульманского населения России. Несмотря на этнические и социальные различия, а также разницу в торгово-промышленных, земледельческих или скотоводческих занятиях, для большинства этого населения было характерно осознание связи собственных интересов с общегосударственными. Особенно прочными такие связи становились в деле продвижения на новые земли, их хозяйственного освоения и военной защиты, установления надежных коммуникаций с зарубежными торговыми партнерами, рынками сырья и сбыта.

В отличие от конкретной военной, дипломатической и административной деятельности, которой уделили много внимания исследователи биографии мурзы Кутлумухаммеда Мамешева, известного в русском обиходе

* © Смирнов Юрий Николаевич - д.и.н., проф., декан исторического факультета Самарского государственного университета

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.).».

под именем Алексея Ивановича Тевкелева, его взгляды на имперские геополитические задачи не получили еще достаточного объяснения и оценки³. Данная статья посвящена уточнению роли, которую он сыграл в разработке и отстаивании замысла Оренбургской экспедиции. В качестве источников использованы опубликованные документы, материалы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО).

А.И. Тевкелев (1674 или 1675 – 13.04.1766) до конца своей жизни гордился тем, что во время переговоров с казахами выдвинул идею основания Оренбурга, «на что он, Хан, со всею ордою склонясь, и признавая оное представление мое полезным, просил... письменно о постройке на устье реки Ор города». Правда, Кирилов, в свою очередь, утверждал, что такое предложение Тевкелев сделал по совету его, Кирилова, данному еще до отправки посольства в казахские степи в 1731 г.⁴ Последнее утверждение остается недоказанным, но, даже если оно справедливо, это не умаляет заслуг Тевкелева как дипломата в выработке идеи Оренбургской экспедиции.

Тевкелев искренне претендовал на роль хранителя заветов Петра Великого, полученных из уст самого императора во время Персидского похода 1722-1723 гг., относительно необходимости разработки казахско-среднеазиатского направления политики России на Востоке. Говорил ли ему сам Петр I, что Киргиз-кайсацкая орда представляет собой «ключ и врата» ко «всем азиатским странам и землям», или Тевкелев приписал царю собственные мысли, уже не столь важно. Ни современники, ни потомки не ставили под сомнение стратегию, воспринятую Тевкелевым, якобы, от великого императора, о необходимости российского протектората над казахами, чтобы «через их во всех Азиатских странах комониканцею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять»⁵.

Необходимость диверсификации дипломатических и торговых связей со странами Востока, недостаточность одного волжско-каспийского пути туда через Иран, была осознана Тевкелевым на личном опыте еще до Персидского похода. В 1716 г. он оказался практически единственным уцелевшим участником неудачной закаспийской экспедиции А. Бековича-Черкасского. Тогда его, как ни странно, спасло разоблачение и арест в Астрабаде как российского шпиона, что помешало ему прибыть в Хиву для встречи с остальными участниками экспедиции и разделить с ними печальную судьбу на плахе или в рабстве. Тевкелева же из иранской тюрьмы выручил с большими хлопотами русский посланник при дворе шахов династии Сефевидов А.П. Волынский⁶.

Поддерживая проект Кирилова об основании Оренбурга, Тевкелев все же стоял на более прагматической позиции, ориентировался на более близкие и понятные цели, нежели продвижение в Индию, хотя и не возражал против него. В представлении от 21 апреля 1734 г. руководителю внешнеполитического ведомства А.И. Остерману он выражал надежду, что «воровские кайсаки перестанут подъезжать под российские города Самару, Сызрань и Черемшан на воровство, которые ездят и переезжают реку Яик».

Почти 30 лет спустя Тевкелев, вспоминая дела прежних лет, повторял, что в первую очередь его заботили безопасность оседлых жителей степного приграничья, судьбы тысяч несчастных пленников, угнанных кочевниками в рабство «из Закамских мест»⁷. При этом он не делал различия между русскими, татарскими, мордовскими, чувашскими поселенцами, между приверженцами православия, ислама, язычества.

За Тевкелевым и фактически, и юридически закреплялось положение правой руки начальника Оренбургской экспедиции. Еще в инструкции Кириллову от 18 мая 1734 г., самом первом из документов экспедиции, это оговаривалось в специальном пункте: «Полковнику Тевкелеву быть в общем совете и у всех разсужденей и поручить ему главную команду над башкирским и нерегулярным войском, а в потребных случаях командировать (к нему – Ю.С.) и регулярных»⁸.

Об особом статусе Тевкелева, необходимости совместных с ним решений по различным вопросам не раз из столицы напоминали и В.Н.Татищеву, сменившему Кириллова. Только в указе от 14 октября 1737 г. это сделано трижды⁹.

Значимую роль Тевкелева Татищев признавал в своеобразной форме. В 1742 г. он недобро поминал вместе обоих организаторов Оренбургской экспедиции, «которую, как видно, по обману Тевкелева и Кириллова... начали», причем «более для собственной, нежели казенной пользы»¹⁰. Эти оценки из частного письма Татищев повторил в подготовленном к печати «Лексиконе российском», где утверждал, что «сенатской секретарь Кириллов, от беспутных предприятий впадший в великие долги, и, не зная чем отплатиться», начал свою авантюру «по совету с переводчиком Тевкелевым»¹¹.

Обвинения Татищева в адрес Кириллова и Тевкелева были несправедливы. Дело даже не в том, что те не подавали повода к реальным обвинениям в злоупотреблениях. Планы Оренбургской экспедиции были продиктованы пониманием глубинных основ российской геополитики в глобальном масштабе от Волги до Пянджа, от Урала до Тихого океана. Эти замыслы, не случайно, получили дальнейшее развитие в отечественной политической и научной мысли, во внешнеполитической, административной, торговой и хозяйственной практике¹².

В силу внутривнутриполитических причин (башкирского восстания, в первую очередь) и не без воздействия внешних факторов (точнее, недостаточного учета всей их сложности при разработке исходных планов),

Первоначальные масштабные среднеазиатско-индийские цели в деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) сузились до решения текущих вопросов традиционной караванной торговли, освобождения пленников и т.п. Однако то, что удалось сделать для налаживания торговых и дипломатических контактов России с ее восточными соседями в конце 1730-х – начале 1740-х гг., заслуживает всяческого уважения.

Значимость дальних задач Оренбургской комиссии была оценена Татищевым неправильно. Конфликт с Тевкелевым, который не без оснований

считал себя одним из начинателей дела освоения заволжско-приуральской «Новой России», стал главным пророчеством Татищева в его взаимоотношениях с представителями местных военных властей и гражданской администрации. П.И. Рычков отнес первые проявления разногласий между ними к 1738 г., когда Тевкелев по некоторым делам «возымел противу его [Татищева – Ю.С.] разные мнения, с поступками и рассуждениями его, тайного советника, несогласные»¹³.

Однозначные объяснения этого конфликта, встречающиеся в литературе, справедливы только отчасти. Тевкелев был действительно недоволен репрессивными мерами своего начальника против некоторых командиров войск на юго-восточном пограничье, например, в отношении полковника И. Бардукеевича. Он же действовал против мятежников более решительно и жестоко, чем допускал нужным Татищев. Однако предположения, высказанные в литературе, о возможных родственных связях Бардукеевича с Тевкелевым или просто приклеивание тому ярлыка «садиста»¹⁴ затрагивают только поверхность отношений двух самых ярких после смерти Кирилова деятелей Оренбургской комиссии.

Тевкелев выступил в открытую против Татищева, решив, что тот ставит под угрозу всю стратегию юго-восточной политики империи в том виде, каком она была заложена планами и трудами Кирилова, его сподвижников и сотрудников. Форма, в которую вылился назревавший конфликт, была продиктована сложившимися обстоятельствами. Тевкелев по должности и чину не мог противодействовать Татищеву и тем более добиться его отстранения от дел Оренбургской комиссии, но знал, что положение противника уязвимо при петербургском дворе, а потому выстрелил «протестом» на имя Бирона. Это не означает, что цели, преследуемые временщиком, с одной стороны, и командирами, недовольными поведением Татищева, с другой, были тождественны. Один преследовал личные выгоды и устранял противника окруживших трон иноземцев, другие в лице Тевкелева были озабочены положением дел на юго-восточной окраине и не нашли другого способа изменить политическую линию, проводимую фактическим правителем огромного края. Тевкелев воспользовался тем, что в Петербурге ожидали от Оренбургской комиссии блестящих успехов и приобретений, которые обещал Кирилов, и не только не собирались терпеть очевидных неудач, но и не готовы были простить упущенных возможностей. Стало очевидным, что двор и правительство предпочитали на юго-востоке по-кириловски решительные действия, а не основательность и осторожность Татищева.

За кажущимися мелочными счетами противников в их доносах, оправданиях и встречных поклепах вырисовывается картина противостояния не только тактических, но и стратегических линий в юго-восточной политике империи. То, что сторонникам решительной экспансии казалось лишь промежуточными шагами (укрепление рубежей по рр. Яику и Самаре, умиротворение Башкирии, заселение Заволжья и Приуралья, развитие торгов-

ли и городов и т.д.), для приверженцев более осторожной линии являлось достаточной и конечной задачей.

В пылу спора широкие замыслы Кирилова и Тевкелева, не лишённые определенной романтики, выставлялась Татищевым авантюрой, сопряженной с личной выгодой и небрежением казенных затрат. В свою очередь жесткий прагматизм и расчетливость Татищева трактовались его оппонентами как трусость, неспособность к решительным действиям, желание избежать опасностей и тягот походной жизни. Среди 17 пунктов, вменённых в результате следствия и суда в вину Татищеву¹⁵, первым стояло тевкелевское достаточно справедливое обвинение своего начальника в слишком прочном обосновании со штабом комиссии в тыловой Самаре и нежелании строить по-настоящему Оренбург¹⁶. На это уязвимое место политического противника обратил внимание граф М. Головкин еще 11 марта 1739 г. в письме Бирону после разговора с Тевкелевым¹⁷.

Урок, данный Татищеву, был быстро усвоен сменившим его И.И. Неплюевым. Последний решительно приступил к построению Оренбурга, превращению его в центр новой огромной губернии Российской империи, азиатской торговли и дипломатии. Деятельность Тевкелева после преобразования с 15 марта 1744 г. Оренбургской комиссии в Оренбургскую губернию выходит за хронологические рамки настоящей статьи. Отметим лишь то, что Неплюев, несмотря на отдельные разногласия с Тевкелевым, сумел использовать его опыт и энергию, вернув ему в местном управлении роль второго и незаменимого человека. Эта роль вполне удавалась Тевкелеву, поскольку в деле российского продвижения на юго-восток он не был просто исполнителем. С 1730-х гг. он стал одним из разработчиков геополитических замыслов и практической государственной политики на данном направлении, воплощенных в организации и деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии).

Примечания

¹ Смирнов Ю.Н. Сборник экстрактов именных указов 1734-1741 гг. (в комплексе материалов Оренбургской комиссии - источников по истории отношений России с народами Средней Азии) // Сборник Русского исторического общества. Т.5 (153). М., 2002. С.15.

² Байназаров И.Н. А.И. Тевкелев и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30-50-е гг. XVIII века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Уфа, 2005. С.8, 17; Азаматова Г.Б. Интеграция национального дворянства в российское общество: на примере рода Тевкелевых. Уфа, 2009. С.15-17.

³ См.: Ханыков Я.В. Сведения о роде Тевкелевых и о службе генерала-майора Алексея Ивановича Тевкелева // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн.13; Гилязов И.А. Помещики Тевкелевы в XVIII - начале XIX в. // Классы и сословия в России в период абсолютизма: межвуз. сб. / Отв. ред. Ю.Н. Смирнов. Куйбышев, 1989; Арапов Д.Ю. Первый русский генерал-мусульманин Кутлун-Мухамед Тевкелев // Сборник РИО. Т.5 (153). М., 2002; и др.

⁴ Разные бумаги генерала-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах // Временник императорского Московского общества истории и древнос-

тей Российских. М., 1852. Кн.13. С.16; Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края // Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т.1. С.18.

⁵ Разные бумаги генерала-майора Тевкелева. С.15.

⁶ Гилязов И.А. Указ. соч. С.78-79; Арапов Д.Ю. Указ. соч. С.33.

⁷ Кучумов И.В., Смирнов Ю.Н. Первый труд по истории Башкортостана // Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. С.VII.

⁸ ГАОО. Ф.2. Оп.1. Д.9. Л.6об., 16об.

⁹ Там же. Л.35об.-36.

¹⁰ Пекарский П.П. Новые известия о В.Н. Татищеве // Записки имп. Академии Наук. СПб., 1864. Т.IV. Приложение. С.38.

¹¹ Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Л., 1979. С.253.

¹² Смирнов Ю.Н. Споры патриотов: Ломоносов и его современники о путях освоения восточных и северных окраин России // Родина. 2011. №9. С.40-47; Смирнов Ю.Н. Начало научного изучения в России восемнадцатого столетия проблем регионоведения и геополитики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т.14. №3. С.171-175.

¹³ Рычков П.И. История Оренбургская. С.106.

¹⁴ Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1981. С.254-255.

¹⁵ РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.807. Л.6-8.

¹⁶ РГАДА. Ф.248. Оп.5. Д.312. Л.19, 20об., 39, 41, 42.

¹⁷ Попов Н.А. Татищев и его время. М., 1861. С.203.